

ГЕНИИ ВЛАСТИ

ВЕЛИКИЙ ЧИНГИС-ХАН

ЕВГЕНИЙ
КЫЧАНОВ

«КАРА ГОСПОДНЯ»
ИЛИ «ЧЕЛОВЕК ТЫСЯЧЕЛЕТНЯ»?

Гении власти

Евгений Кычанов

**Великий Чингис-хан.
«Кара Господня» или
«человек тысячелетия»?**

«Яуза»

2013

Кычанов Е.

Великий Чингис-хан. «Кара Господня» или «человек тысячелетия»? / Е. Кычанов — «Яуза», 2013 — (Гении власти)

«Я – кара Господня! Если вы не совершали смертных грехов, Господь не пошлет вам кару в моем лице», «Не оставляй в живых того, кто сделал тебе добро, чтобы никогда не быть в долгу», «Высшее наслаждение для человека – победить врага, отобрать его богатства, сжимать в объятиях его жен и дочерей!» – эти слова приписывают великому Чингис-хану. Однако будь он обычным завоевателем, способным лишь на грабежи и убийства, разве удалось бы ему создать колоссальное государство, превосходившее по размерам Римскую империю вдвое, а державу Александра Македонского – в четыре раза?! Если бы Темучжин нес покоренным народам лишь кровь и смерть – разве просуществовала бы Монгольская империя многие столетия после его кончины (а последние чингизиды правили монголами до XX века)? Нет, Чингис-хан был не только беспощадным разрушителем, но и великим созидателем, не только гениальным военачальником, но и **ГЕНИЕМ ВЛАСТИ**, который установил на завоеванных территориях мир, законность и железный порядок, беспрецедентную свободу вероисповедания и безопасность торговли, создал лучшую почтовую и курьерскую службу, обеспечив неслыханную по тем временам скорость передвижения и передачи информации, превзойти которую смог лишь телеграф! Эта книга, основанная не только на «Сокровенном сказании» о Темучжине, но и других монгольских, китайских, мусульманских источниках, а также сведениях первых европейских путешественников в глубины Азии, восстанавливает подлинную биографию «**ЧЕЛОВЕКА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ**» (как назвал Чингис-хана журнал «Тайме») в контексте его великой и кровавой эпохи.

© Кычанов Е., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Оэлун и Есугай-баатур	7
Переселение на запад	9
Первое государство монголов	15
Отец Темучжина	18
«Народ безвестный и чужой»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Евгений Кычанов

Великий Чингис-хан. «Кара Господня» или «человек тысячелетия»? »

Разработка дизайна серии *Петра Волкова*

Оформление переплета и суперобложки *Юрия Щербакова*

В оформлении обложки и суперобложки использованы репродукции скульптур «Чингис-хан» (2008 г., 241х125х114 см, бронза, дерево, камень) и «Темучин» (2007 г., 223х115х80 см, камень литьевой). Автор – Иван Коржев (www.i-korzhev.ru).

В оформлении колонтитулов использована иллюстрация:
Tribalium / [Shutterstock.com](https://www.shutterstock.com)

Используется по лицензии от [Shutterstock.com](https://www.shutterstock.com)

Оэлун и Есугай-баатур

*Между тем, как он далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин.*

А. С. Пушкин

Говорят, Есугай-баатур, отец Темучжина, будущего Чингисхана, имел много жен из разных племен. А старшую из них, Оэлун, мать Темучжина, он силой отбил у меркитского Эке-Чиледу. Вот как это было. «В ту пору, охотясь однажды по реке Онону за птицей, Есугай-баатур повстречал меркитского Эке-Чиледу, который ехал со свадьбы, взяв себе девушку из олхонутского племени. Заглянув в возок и поразившись редкой красоте девушки, он поспешно вернулся домой и привел с собой своего старшего брата Некун-тайчжи и младшего Даритай-Отчигина. Видя их приближение, испугался Чиледу, но под ним был скакун Хурдун-хуба. Хлещет он своего хуба по ляжкам, старается скрыться от них за холмами, но те втроем неотступно следуют за ним по пятам. Когда Чиледу, объехав мыс, вернулся к своему возку, Оэлун говорит ему:

– Разве ты не разгадал умысла этих людей? По лицам их видно, что дело идет о твоей жизни. Но ведь был бы ты жив-здоров, а девушки в каждом возке найдутся. Был бы ты жив-здоров, а жены в каждой кибитке найдутся. Придется, видно, тебе тем же именем Оэлун назвать девушку с другим именем. Спасайся, поцелуй меня и езжай!

С этими словами она сняла свою рубаху, и когда он, не слезая с коня, потянулся и принял ее, из-за мыса уже подлетели те трое. Пришпорив своего Хурдун-хуба, Чиледу помчался, убегая от преследования вверх по реке Онону

Трое бросились за ним, но, прогнав его за семь увалов, вернулись. Есугай-баатур повел за поводья лошадь Оэлун, старший его брат, Некун-тайчжи, ехал впереди, а младший, Даритай-Отчигин, ехал вплотную рядом с ней. Едут они так, а Оэлун приговаривает:

– Батюшка мой, Чиледу! Кудрей твоих встречный ветер никогда не развевал. В пустынной земле никогда ты не голодал. Каково-то теперь?

И, роняя обе косы свои то на спину, то на грудь, то вперед, то назад, она причитала «Каково-то теперь уезжаешь?» так громко, что

Онон-река волновалась.
В перелесье эхо отдавалось.

Уже близко к дому стал унимать ее плач Даритай-Отчигин:

Лобызаемый твой много перевалов перевалил,
Оплакиваемый твой много вод перебродил.
Сколько ни голоси – а он не бросится взглянуть на тебя,
Сколько ни ищи – его и след простыл. Замолчи уже!

Так унимал он ее. Тут же Есугай и взял Оэлун в дом свой. Вот так произошло умыкание Есугаем Оэлун-учжины» [Сокровенное сказание, с. 84–85].

В те далекие времена монгольские девушки не выбирали себе мужей. Отцы или слепой случай решали их судьбы. Монгольский род был экзогамным, т. е. монгол не мог взять в жены девушку из своего рода. Роды жили на общей пастбищной территории. Иногда тот род, из которого, как правило, члены данного рода брали себе жен, кочевал относительно далеко, и за женой приходилось ехать в дальние края. Это чаще всего касалось знати, которая особенно строго придерживалась традиционного брачного партнерства. Но за женами нередко ездили в дальние края, их умыкали. Чиледу принадлежал к меркитской знати (неправ был Исай Калашников, превративший в своем романе «Жестокий век» Чиледу в полусвободного батрака). Мы не знаем, как Оэлун досталась Чиледу – по сговору ли с ее родителями или он тоже умыкнул ее. Но ясно одно – Чиледу нравился Оэлун. Иначе не подарила бы она в прощальный час возлюбленному свою рубашку, не оплакивала бы его и свою судьбу.

И когда ее, плачущую, везли в стойбище Есугай-баатура, еще не знала она, что в тот момент, когда Есугай случайно заглянул в ее возок, а позже, отбив от любезного ее сердцу Чиледу, твердой хозяйской рукой взял за повод ее коня, ей уже было суждено стать матерью сына, одно имя которого повергало в ужас целые народы на гигантской территории от Тихого океана до океана Атлантического...

Переселение на запад

*«Приволье на горах родных – приволье
в темных долах...*

*Белеют летом овцы там, зимой снега
белеют,*

*Там светит солнце красное, там смерти
не боятся!» —*

*Так в тартаре три молодца о свете
толковали.*

А.Н. Майков

Кто такие монголы и откуда они появились? Вопрос не праздный, если науке достаточно хорошо известно, что на той территории, где расположена нынешняя Монгольская Народная Республика и где будут разворачиваться события нашего повествования, на рубеже нашей эры жили гунны, этническая принадлежность которых (тюрки? монголы? самодийцы?) достоверно неясна. После них здесь господствовали жуаньжуани (авары, обрывки русских источников) и сяньбийцы, а затем, с VI по X в. н. э., сменяли друг друга каганаты тюрков, уйгуров, кыргызов.

Как говорится в последнем издании «Истории Монгольской Народной Республики», «само слово «монгол» до сих пор в исторической науке не имеет единого толкования... наиболее вероятно предположение о том, что термин «монгол», обозначавший вначале одно из племен, затем стал собирательным, подразумевавшим всю монгольскую народность, вместе взятую» [ИМНР, с. 124]. Рашид-ад-дин полагал, что слово «монгол» значило или «слабый», «бессильный», или «прямодушный», «чистосердечный» [Рашид-ад-дин, т. I, с. 154]. Академик Российской академии наук Я. Шмидт считал, что «монгол» – это «смелый», «отважный», «неустрасимый»; П. Рачневский допускает и уничижительное толкование: «монггоо» – «глупый», например в наименовании предка Чингис-хана Бодончар-мунгакка – «Бодончар-простак», «Бодончар-дурачок» [Рачневский, с. 5].

Но есть одна заманчивая гипотеза, которую также приводит в своей монографии П. Рачневский. Хорошо известно, что династия киданей Ляо, воцарившаяся в Центральной Азии и Северном Китае в самом начале X в., именовалась «Железной». Очень возможно, что, создав свое государство Хамаг монгол улус в середине XI в., монголы называли его «мунгу» – «Серебряное», а утвердившиеся в Центральной Маньчжурии, свергнувшие власть киданей и уничтожившие государство Ляо чжурчжэни называли свое государство Цзинь – «Золотое» [там же]. В этой гипотезе есть своя логика.

Свидетельства китайских источников позволяют убедительно проследить древнюю историю монголов – вплоть до племен сяньби. Прямое родство монголов (протомонголов) с гуннами, о котором иногда пишут, можно скорее рассматривать как желательное, чем имеющее в настоящее время строгие научные доказательства.

Монголы впервые упоминаются под именем мэнью, или мэнва, в старой и новой историях китайской династии Тан (618–908) среди племен шивэй. В тексте старой истории династии Тан «Цзю Тан шу» сказано: «Шивэй – особый род киданей. Их государство находится на северо-востоке от столицы на расстоянии свыше семи тысяч ли... В этом государстве нет государя и старших начальников, а есть семнадцать главных правителей, которые зовутся мохэфу и наследственно правят ими, хотя и зависят от тюрков. В качестве боевого оружия они имеют роговые луки и стрелы из дерева «ху» (тальник?) и являются превосходными стрелками из лука¹. Временами собираются на охоту с метательными копьями². А когда дело закон-

¹ Более поздние источники указывают, что монголы изготовляли древки стрел из ивы, а многие современные монголам

чится, расходятся. Эти люди обрабатывают землю, но не платят поземельного налога. В вотчинах [своих]³ строят небольшие дома, которые покрывают сверху шкурами. Объединяются в группы и живут иногда числом до нескольких десятков или сотен семей. Заостряют деревья и делают сохи, не насаживая на них металлических сошников. Соху тянет человек, и производится посев. Не разрешается использовать [для пахоты] быков. Летом там много туманов и дождей, зимой много инея и снега. В качестве домашних животных там годятся собаки и свиньи. Их откармливают и поедают, а шкуры используют для изготовления выделанных кож. И мужчины, и женщины из [этих кож] шьют одежды. Волосы [у них] растрепаны, одежды застегивают на левую сторону. Богатые семьи выделяют себя тем, что делают украшения из разнообразного пятицветного жемчуга.

Законы, регулирующие вступление в брак, [таковы:] жених прежде входит в дом невесты и работает [там] три года. По этой причине он может лично близко общаться с этой женщиной. Когда срок отработки кончится, то семья невесты выделяет им их долю имущества, муж и жена садятся на одну телегу и нагружают ее. С барабанным боем и плясками они вместе возвращаются [в дом мужа].

...Говорят, что при нашей [династии] Тан есть девять племен шивэй... Севернее Больших гор есть племя больших ши-вэй Это племя живет около реки Ванцзянхэ. Истоки этой реки на северо-восточных границах владений тюрков, у озера Цзюйлунь. Отсюда, извиваясь, она течет на восток и протекает через границы западных шивэй, далее она течет снова на восток через границы больших шивэй, еще далее на востоке она протекает к северу от мэнью шивэй [шивэй-монголов]... Затем она течет еще далее на восток и впадает в море» [Цзю Тан шу, цзюань (букв. «глава», далее цз.) 1196, с. 1673].

В тексте новой истории династии Тан «Синь Тан шу» имеются некоторые разночтения и дополнения. Местом жительства шивэй, опорным их пунктом назван Хуанлун, район к северу от современных городов Шэньяня и Кайюаня (в центре Маньчжурии), охватывавший всю территорию Гирина, на востоке до границ Внутренней Монголии. Правители шивэй названы не мохэфу, а мохэдо. Добавлено, что в ведении слабых из них – около тысячи семей, более сильных – по несколько тысяч семей.

«Живут, рассеявшись по речным долинам, ищут траву и воду и селятся». Не подчиняются друг другу. «Хотя они дерзки, отважны и любят воевать, но войска у них недостаточно для того, чтобы создать сильное государство». Повторены сведения «Цзю Тан шу» об обработке земли, и особо подчеркнуто, что получаемые урожаи очень малы. О семейных отношениях добавлено, что если муж умирал, то жена вторично не выходила замуж. Имеются дополнения о похоронных обрядах. Каждая группа шивэй строила большие навесы, на которые сверху клали трупы умерших. По умершим носили трехлетний траур. Если умирал правитель, его наследником становился его сын. Лишь при отсутствии у правителя сына его преемником становился сильный и решительный человек. Ездили шивэй на телегах, запряженных быками. Жилища строили из плетенок и покрывали шкурами. Или сгибали деревья, а крышу покрывали плетенками. Для переправ через реки делали плоты и кожаные лодки. Лошадей пускали пастись спутанными. О домашних животных добавлено, что у них нет овец и мало лошадей. Одежды, которые шили шивэй из шкур и кож, они называли мохэ. Сказано, что было 20 с лишним племен шивэй (вместо девяти, упомянутых в «Цзю Тан шу»). Интересующий нас текст о древних монголах изложен так: «На севере есть Большие горы. За горами живут большие шивэй, которые расселены по берегам реки Шицзянхэ (верховья Амура, название сохранилось в наиме-

авторы именовали монголов «прекрасными стрелками».

² Копье оставалось одним из главных видов вооружения монголов и в середине XII в.

³ Текст в квадратных скобках – от переводчика.

новании реки Шилка). Река вытекает из озера Цзюйлунь и течет на восток. К югу от этой реки есть племя мэнва, к северу от нее – племя лотань» [Синь Тан шу, цз. 219, с. 1671].

И в том, и в другом источнике шивэй названы «особым родом киданей». От имени этого народа, между прочим, происходит наше слово Китай. О соотносительности киданей и шивэй хорошо сказано в более раннем источнике, «Суй шу»: «Шивэй одного рода с киданями. Тех, кто образует южную часть этих племен, называют киданями, а тех, кто северную, – шивэй» [Суй шу, цз. 84, с. 602].

В слове «шивэй» ряд исследователей, и, возможно, не без основания, видят первое упоминание столь хорошо нам знакомого слова «Сибирь». Авторы последних китайских исследований («Юань чао ши») считают всех шивэй татарами [Юань чао ши, т. 1, с. 6]⁴. В эпоху Ляо, т. е. в X – первой четверти XI в., татары – шивэй в китайских источниках – именовались цзубу. Племена шивэй, к которым, как мы видим, принадлежали и монголы, были родственны киданям, по некоторым сведениям, составляли их северную часть. Поскольку принадлежность киданьского языка к монгольским языкам нынешней наукой не оспаривается, а допускается лишь известное влияние тунгусо-маньчжурских языков, то и шивэй мы вправе считать группой племен, говорившей в основном на монгольских языках. Остается вопрос о локализации древних монголов.

Комаи Ёсиаки пришел к выводу, что та часть племен шивэй, которая именовалась монголами, жила по южному берегу реки Амур, западнее впадения в Амур реки Сунгари и восточнее хребта Малый Хинган [Комаи Ёсиаки, с. 329–330].

Другой японский ученый, Тамура Дзицудзо, делает вывод, что «монголы в это время жили кочевой жизнью в степных районах к югу от реки Аргунь» [Тамура Дзицудзо, с. 3–4]. Л. Гамбис на основании этих же самых материалов заключает, что наиболее древние тексты помещают монголов к западу от верхнего течения Нонни, возможно, в северной части области, расположенной между рекой и озером Кёлён, откуда вытекает Аргунь, составляющая главную часть верхнего Амура, и к югу от этой реки [Гамбис, История, с. 130]. Таким образом, по мнению высокоавторитетных специалистов, древние монголы жили к югу от среднего течения Амура, между Малым Хинганом и нижним течением Сунгари, или по южному берегу нижнего течения Аргуни и верхнего течения Амура. Рашид-ад-дин называет местность, где жили древние монголы, Эргунэ-Кун. Почему, как и когда монголы покинули ее и стали переселяться на запад, на территорию современной Монгольской Народной Республики?

Очевидно, причиной были войны – войны внутренние и нападения соседей. Китайские авторы связывают переселение прежде всего с разгромом киргизами Уйгурского каганата. Кстати, они полагают, что именно через уйгуров название «татары» – тюркское шивэй – попало в китайский язык. После падения власти уйгуров (середина IX в.) и переселения самих уйгуров на запад и на юг шивэй-татары, пользуясь тем, что киргизы не создали прочной политической власти в центре Азии, начали заселять «освободившееся место». Известно, что шивэй были атакованы киргизами в 847 г. и киданями между 885 и 887 гг. Если в тюркских текстах (надпись в честь Кюль-тегина) татары упоминаются впервые в 731–732 гг., то в китайских текстах – в годы, близкие к переселению, в 842 г.

Факт переселения монголов отражен прежде всего в собственных монгольских преданиях. «Предком Чингис-хана был Борте-Чино, родившийся по изволению Высшего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тенгис (Внутреннее море). Кочевали у истоков Онон-реки, на Бур-хан-Халдуне, а потомком их был Бата-Чиган» [Сокровенное сказание, с. 79].

⁴ В Европе наименование «татары» одним из первых употребил монах Юлиан, посол венгерского короля Бель IV к команам (половцам) в 1235–1237 гг. Пытаясь осмыслить этот этноним, он в духе своего времени связал его с греческим Tartaros – «ад», «преисподняя». Слово «тартар» в значении «страна татар» употреблено и А. Майковым (см. эпиграф к данной главе).

Позднейшие монгольские источники, подчиняясь буддийской историографической традиции, выводили предка Чингис-хана Борте-Чино из Тибета, из той страны, откуда к монголам пришла их новая буддийская вера.

Возможно, что первое движение монголов на запад началось примерно в середине VIII в.⁵ Новым мощным толчком к переселению могли стать войны с киданями. «Над монголами, – писал Рашид-ад-дин, – одержали верх другие племена и учинили такое избиение среди них, что в живых осталось не более двух мужчин и двух женщин. Эти две семьи в страхе перед врагом бежали в недоступную местность, кругом которой были лишь горы и леса и к которой ни с одной стороны не было дороги, кроме одной узкой и труднодоступной тропы, по которой можно было пройти туда с большим трудом и затруднением. Среди тех гор была обильная травой и здоровая [по климату] степь. Название этой местности Эргунэ-Кун. Значение слова кун – косогор, а эргунэ – крутой, иначе говоря, крутой хребет. А имена тех двух людей были Нукуз и Киян. Они и их потомки долгие годы оставались в этом месте и размножались» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 153].

Возможно, это было и до нападения киданей. Спасшиеся от врага монголы поселились в Эргунэ-Кун, местности у Большого Хингана и реки Аргуни. Монголы до поры до времени оставались слабыми – «слово же монгол звучало... мунгол, т. е. «бессильный» и «простосердечный». В Эргунэ-Кун монголы размножились и стали мастерами выплавки железа и кузнечного дела. По легенде, именно искусство плавки железа помогло им выбраться из горных теснин на простор нынешних монгольских степей, к голубому Керулену, золотому Онону. «И вот они нашли одно место, бывшее месторождением железной руды, где постоянно плавил железо. Собравшись все вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь целыми харварами, зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали из них кузнечные мехи. Затем заложили дрова и уголь у подножия того косогора и так оборудовали то место, что разом этими семьюдесятью мехами стали раздувать [огонь под дровами и углем] до тех пор, пока тот горный склон не расплавился. В результате оттуда было добыто безмерное количество железа и вместе с тем открылся и проход. Они все вместе откочевали и вышли из той теснины на простор степи» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 154].

Предок Чингис-хана Борте-Чино был как раз среди тех, кто вышел из теснин Эргунэ-Кун. Ясно, что гору, которую можно было расплавить, можно было и обойти. Оказывается, так и поступили хунгираты и некоторые другие монгольские племена. И уже во времена Чингис-хана буквальное понимание смысла легенды – расплавление горы – ставилось под сомнение. «Группа монголов, живущая в настоящее время здесь и видевшая Эргунэ-Кун, – сообщает Рашид-ад-дин, – утверждает, что хотя это место для жизни тяжелое, но не до такой степени, как говорят, целью же расплавления ими горы было лишь открытие иного пути для своей славы» [там же]. В любом случае род Чингиса происходил от знаменитых металлургов.

Существовала многовековая традиция разработки этого сюжета, он встречается у сяньбийцев в IV–VI вв. Связь древнемонгольских и сяньбийских легенд прослеживается и в другом сказании, смысл которого состоит в том, что каждый прут легко переломить отдельно, а пучок прутьев переломить невозможно.

У предка Чингис-хана Добун-Мергана была супруга Алан-Гоа, «красивая, очень знатного рода... Войдя в дом Добун-Мергана, Алан-Гоа родила двух сыновей. То были Бугу-нотай и Бельгунотай... Долго ли, коротко ли, Добун-Мерган скончался». После смерти Добун-Мергана Алан-Гоа, будучи безмужней, родила трех сыновей. То были: Бугу-Хадаги, Бу-хату-Салчжи и Бодончар-простак. Бельгунотай и Бугунотай, старшие сыновья, родившиеся еще от Добун-

⁵ Рашид-ад-дин полагал, что к моменту рождения Чингис-хана (январь-февраль 1155 г.) его роду было «примерно около 400 лет» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 8], т. е. он начался примерно с середины VIII в. Причину же начала переселения монголов Рашид-ад-дин видел в «распре с другими... племенами».

Мергана, стали втихомолку говорить про свою мать Алан-Гоа: «Вот наша мать родила трех сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовых братьев, родных или двоюродных, ни мужа⁶. Единственный мужчина в доме – это Маалих-Баяудец. От него-то, должно быть, эти три сына».

Алан-Гоа узнала об этих их тайных пересудах. И вот однажды весной сварила дожелта провяленного впрок барана, посадила рядом своих пятерых сыновей, Бельгунотая, Бугу-нотая, Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончара-простака, и дала им всем по одной хворостинке, чтоб они их переломили. По одной все без труда переломили. Тогда она дала им штук по пять хворостинок, связанных вместе, и попросила переломить. Все пятеро и хватили сообща, и зажимали в кулаках, а сломать не смогли. Тогда мать их, Алан-Гоа, говорит: «Вы двое сыновей моих, Бельгунотай и Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: «Родила, мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети?» Подозрения-то ваши основательны. Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри [погасало], входит, бывало, ко мне светлорусый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно желтый пес. Что же болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то и выходит, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них, как о таких, которые под пару простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди».

И стала потом Алан-Гоа так наставлять своих сыновей: «Все вы пятеро родились из единого чрева моего, и подобны вы давешним пяти хворостинкам. Если будете поступать и действовать каждый сам лишь за себя, то легко можете быть сломлены всяким, подобно тем пяти хворостинкам. Если же будете согласны и единодушны, как те связанные в пучок хворостинки, то как можете стать чьей-либо легкой добычей?» [Сокровенное сказание, с. 80–81]⁷.

Род Чингиса вел свое происхождение от младшего сына Алан-Гоа, Бодончара. Монголы делились на нирунов и бор-джигинов (дарлекинов). Потомки первых двух сыновей Алан-Гоа и Добун-Мергана считались нирунами («чистыми»), они были предками салджиутов и хатакинов. Потомки Бодончара, борджигины, отличались рыже(светло)волосостью и светлыми (голубыми, синими) глазами⁸.

Легенды о чудесном рождении не редкость, и не редкостью они были в том регионе. Мы знаем, что они существовали у ряда народов, например у родственных монголам киданей есть такая легенда.

Однажды ночью над тем местом, где спал Абаоцзи, основатель киданьской династии Ляо, «появился свет, что испугало и удивило всех окружающих». Когда жена Абаоцзи, Шу-люй, рожала сына, будущего императора Тай-цзуна, «черное облако накрыло юрту, сверкал огонь и были слышны звуки, напоминавшие удары грома». «Как-то, когда Тай-цзун, сопровождая Тайцзу, прибыл в Силоу, над ним появились красный свет и багровые облака, что изумило всех окружающих» [Е Лун-Ли, с. 41, 54].

В «Тайной истории» были и легенды чудесно переплелись. Рассказ о чудесных предках монголов Волке и Оленихе (ма-ралухе), Борте-Чино и Гоа-Марал, связан с древнетюркскими легендами, широко использованными в наши дни Чингизом Айтматовым в его романах

⁶ У древних монголов существовал обычай левирата, и брат мог, а то и был обязан взять себе в жены жену умершего брата.

⁷ По Рашид-ад-дину, Алан-Гоа забеременела от луча света; «через [дымовое] отверстие шатра проник луч света и погрузился в ее чрево. Она поразилась этому обстоятельству, и перепугалась, и никому не пошла рассказать об этом. Спустя некоторое время она поняла, что забеременела». Родичам, осудившим ее, она объяснила: «Да, я каждую ночь вижу во сне, что какой-то рыжеволосый и синеокий человек медленно-медленно приближается ко мне и потихоньку возвращается назад. Я вижу [его собственными] глазами» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 14].

⁸ В 840 г. могущество Уйгурского каганата было сломлено киргизами. Среди киргизов попадалось немало светловолосых и светлоглазых. Не раз высказывалось предположение, что трех своих младших сыновей прародительница Чингис-хана Алан-Гоа родила от киргиза. В наши дни эту версию поддерживает П. Рачневский, который полагает Маалиха-Баяудца тюрком и истинным отцом предка Чингиса – Бодончара [Рачневский, с. 13].

«Белый пароход» и «Плаха». Среди предков Чингис-хана есть циклоп Дува-Сохор, а Бодончар, младшенький Алан-Гоа, – это древнемонгольский Иванушка-дурачок, который на деле оказывается самым умным и находит способ сделать свое племя могущественным, а своих братьев – родоначальниками монгольских племен. Здесь в монгольском предании мы сталкиваемся с весьма распространенным сюжетом об умном младшем брате, которого старшие братья считали глупым и после смерти матери (родителей) обделили наследством. «Долго ли, коротко ли, мать их Алан-Гоа скончалась. По смерти матери пятеро братьев стали делить между собою имущество. При этом вышло так, что четыре брата забрали себе все, а Бодончару совсем не дали его доли, считая его глупым и неотесанным и не признавая даже за родственника». Бедствовал Бодончар, покинув братьев, «питался и волчьими объедками», а потом надоумил братьев пленить «бесхозных» людей, и стали те люди «у них слугами-холопами при табуне и кухне» [Сокровенное сказание, с. 81–82].

Сыновья Бодончара стали основателями многих монгольских племен. Эпоха Алан-Гоа, возможно, относится к концу X – началу XI в.⁹ Переселение имело два важных последствия: монголы вступили в прямой и более тесный, чем ранее, контакт с норками и в степной и лесостепной зоне полностью перешли к кочевому скотоводству¹⁰.

Основав государство Ляо, кидани поставили население Халхи под свой контроль. В 1004 г. было учреждено пограничное управление Сибэйлу чжаотаосы. Центром его был город, который по-китайски назывался Чжэньчжоу, по-тюркски Кэ-дунь (Хатун), он размещался к югу от нижнего течения реки Халхи. При династии чжурчжэней Цзинь Сибэйлу чжаотаосы находились не на территории расселения татаро-монголов. Пограничные племена управлялись своими собственными предводителями; если таковые признавали верховенство Цзинь и пригоняли скот, то считалось, что они состоят на службе Цзинь и охраняют границы империи.

⁹ Рашид-ад-дин отмечал, что Алан-Гоа жила за 300 лет до того, как он писал свой труд [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 1, с. 103]. По данным «Алтай Тобчи» (XVIII в.), сын Алан-Гоа Бодончар, прямой предок Чингис-хана, родился в 970 г. [Монгольская летопись XVIII в., с. 138].

¹⁰ ЛР. Кызласов указывает, что у монголов имеются свои термины только для обозначения собаки, лошади и свиньи, т. е. как раз тех животных, которые были известны у шивэй. Весь скотоводческий лексикон и названия для овец, быков, верблюдов, мулов монголы заимствовали у тюрков. В свою очередь, монголы принесли с собой из Маньчжурии тип оседлого жилища – квадратные, без фундаментов дома с каркасными стенами и П-образными капами для отопления. Очевидно, в X–XI вв. происходил процесс ассимиляции оставшегося в Халхе тюркского населения монголами. См.: Кызласов Л.Р. Ранние монголы. – Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. История и культура Востока Азии. Т. III. Новосибирск, 1975, с. 170–177.

Первое государство монголов

*Каждый из нас немицум,
Каждый из нас безграничен,
Каждый из нас обладает
Правом на эту землю.*

Уитмен

К середине XII в. относится существование первого монгольского государства – Хамаг монгол улуса. Еще при династии киданей Ляо часть монгольской знати получила от киданей должности и титулы знатности, такие, как линвэнь или сяо-вэнь, – военачальников пограничных войск. В целом татаро-монголы были лояльны к Ляо, династии этнически родственной, хотя некоторые монгольские племена, например джаджираты и меркиты, вели с киданями изнурительные войны и к 1094 г. были сильно обескровлены. После гибели Ляо монголы поддерживали Елюй Даши, представителя утратившей свое государство династии, и выставили для него более чем десяти тысячную армию. Поддержка монголами Елюй Даши, который хотя и не смог вернуть власть дому Елюй, но представлял постоянную угрозу для чжурчжэней, привела к конфликту между монголами и чжурчжэнями. С 1135 по 1147 г. монголы ведут войну с Цзинь. Поводом для войны послужила попытка чжурчжэней убить правителя монголов Хабул-хана. Рашид-ад-дин сообщает, что сам Хабул-хан и все его дети «были весьма храбры и талантливы». Желая наладить отношения с монголами, «проторить широкую дорогу единения и дружбы», император Цзинь пригласил Хабул-хана в свою ставку. Во время угощения Хабул-хан «возымел опасение и вообразил, что они ему подсыпают в пищу отраву... Он поминутно выходил наружу... так как погода стояла жаркая... якобы для того, чтобы освежиться, и погружался в воду». Хабул-хан длительное время обучался находиться под водой. Если верить источнику, он мог держаться под водой «то количество времени, в которое съедают штуку барана». И вот Хабул-хан постоянно выбегал на волю, окунался, сблевывал все съеденное и выпитое и снова возвращался к столу. Чжурчжэни дивились: «Всевышний господь создал его счастливым и крепким, ибо он в состоянии не объедаться пищей, не пьянеть от вина и не блевать». Однако, видно, как ни старался Хабул-хан не пьянеть, вино сделало свое дело. Ибо кончилось все-таки тем, что Хабул-хан подошел к императору Цзинь, «Алтан-хану, хлопая в ладоши и приплясывая, схватил его за бороду и оскорбил его». Когда стража схватила Хабул-хана, хмель прошел, Хабул-хан принес свои извинения императору и ждал неминуемой расправы. Однако император Цзинь счел возможным из-за такого «пустяка» не ссориться с монголами и, «подавив гнев, простил его». Одарив щедро Хабул-хана, он отпустил его [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 35].

Однако позже к Хабул-хану прибыли одно за другим два посольства Цзинь, требуя приезда Хабул-хана ко двору Цзинь. Хабул-хан перебил членов второго посольства, что и привело помимо прочих причин к войне монголов с Цзинь. Война была успешной для монголов. В 1147 г. между Цзинь и монголами был заключен мир. Цзиньские власти уступили монголам 17 укреплений к северу от реки Сининхэ, которая стала пограничной.

К этому времени относится сообщение китаеязычного источника о том, что монгольский хан Аоло боцзиле (Олунь бэйле) был признан чжурчжэнями государем государства Мэнфу (Мэнфу го чжу). Однако Аоло, как это нередко бывало, в пределах своих владений не довольствовался титулом государя, а принял императорский титул цзуюань хуанди, т. е. император – основатель династии. Он объявил свой девиз царствования – Тянь-син, т. е. «Расцвет, дарованный Небом». На предложение цзиньского двора довольствоваться титулом го ван Аоло отве-

тил отказом. Большинство исследователей отождествляют Аоло боцзиле с Хабул-ханом [Комаи Ёсиаки, с. 336–338]¹¹.

В «Тайной истории» о Хабул-хане сказано: «Всеми монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана... стал ведасть Амбагай-хаган». Амбагай-хаган имел титул «всенародного кагана и государя улуса» [Сокровенное сказание, с. 84]. Монгольское улус-ун эджен – «государь улуса» если и не соответствовало китайскому хуанди – «император», то уж наверняка могло иметь своим абсолютным эквивалентом титул го чжу – «государь государства». Рашид-ад-дин именует Хабул-хана «монгольским ханом», «государем и правителем своих племен и подчиненных» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 35]. Заметим и следующее: древние монгольские правители носили сяньбийско-жуаньжуаньско-тюркский титул каган (ха-ган); титул хан, равнозначный титулу каган, появился позже.

Хабул-хан был сыном Хайду. У Хайду был второй сын – Бай-Шинкор Докшин. Линия Бай-Шинкор Докшина является линией Чингис-хана. От Бай-Шинкор Докшина вели свое происхождение кияты, в среде которых родился Чингис-хан. Был у Хайду и третий сын – Чаракай-линку, от Чаракай-линку происходили гайчиуты. Поскольку, как писал Л. Гамбис, «реальным основателем первого монгольского царства» – Хамаг монгол улуса был Хабул-хан, то предки Чингиса принадлежали хотя и непосредственно к ханской, но боковой линии [Гамбис, с. 14]. «История Монгольской Народной Республики» признает Хамаг монгол улус «государственным объединением первоначального типа» [ИМНР, с. 130].

С установлением мирных отношений с Цзинь, по некоторым данным, Хамаг монгол улус поставлял в государство чжурчжэней ежегодно 50 тыс. голов скота. Чжурчжэни отправляли монголам 50 тыс. доу зерновых и 300 тыс. кусков тонкого и 300 тыс. кусков грубого шелка.

Хамаг монгол улус просуществовал недолго и распался около 1160 г. Причиной распада явились вражда и война с татарами, искусно подогреваемые чжурчжэнями. Поводом к войне послужило следующее. Глава хунгиратов Сайн-Тегин, шуриин Хабул-хана, заболел. Для лечения больного пригласили татарина-шамана. Лечение оказалось безуспешным, и Сайн-Тегин умер. Тогда родичи Сайн-Тегина убили шамана. В ходе боевых действий татары взяли в плен старшего сына Хабул-хана, Окин-баркака, передали его императору Цзинь, и тот казнил Окин-баркака на «деревянном осле». Речь, очевидно, идет о «линьчи» – жестокой казни, которая появилась в Северном Китае во времена киданьской династии Ляо и заключалась в том, что привязанного к столбу (в данном случае к «деревянному ослу») казнимого палач длительное время, иногда несколько дней, резал на куски, постепенно отрезая мягкие части тела и конечности по суставам.

Родословная Темучжина – Чингис-хана может быть представлена таким образом:

Алан-Гоа и ее чудесный, божественный супруг
Бодончар-простак
Хайду (правнук Бодончара)
Бай-Шинкор Докшин
Тумбинай-сечен (прапрадед Чингис-хана)
Хабул-хан (прадед Чингис-хана)
Бартан-баатур (дед Чингис-хана)
Есугай-баатур (отец Чингис-хана).

О деде Чингис-хана, Бартан-баатуре, неизвестно ничего примечательного, кроме того, что он был дедом будущего завоевателя мира.

¹¹ Г. Франке была высказана мысль, что Аоло боцзиле – это Есугай [Франке, с. 92]. Вряд ли это возможно, поскольку Есугай был только баатуром и никогда при жизни не имел ханского титула.

В Хамаг монгол улусе после смерти Хабул-хагана власть перешла не к его сыновьям, а к Амбагай-хагану, внуку Хайду и двоюродному брату прапрадеда Темучжина – Тумбинай-сечена. «После Хабул-хагана, имевшего семерых сыновей, всеми монголами стал ведать, по слову Хабул-хагана, сын Сенгун-Бильгея, Амбагай-хаган, хотя Хабул-хаган имел собственных семь сыновей» [Сокровенное сказание, с. 84]. Рашид-ад-дин, однако, сообщает, что Амбагай-хаган был лишь «государем племени тайджиут» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 42]. «Тайная история», однако, полагает, что Амбагай-хаган был «всенародным каганом и государем улуса». Амбагай-хаган если и правил Хамаг монгол улусом, то правил недолго. «Однажды Амбагай-хаган лично отправился провожать свою дочь, которую он выдавал в замужество к татарам из племени айриуд-буйрууд, что на реке Уршиун между озерами Буюр-наур и Колен-наур. В это время Амбагай-хагана и схватили татары чжунинского племени и повезли к Алтан-хагану Китадскому Тогда Амбагай через посланника своего Балагачи, человека из бесудского рода, велел передать среднему из семи сыновей Хабул-хагана, Хутуле, с тем чтобы он, в свою очередь, передал следующее Хадаан-тайчжию... из всех десяти сыновей: «Отомстите за меня, который самолично провожал свою дочь как всенародный каган и государь народа. Мстите и неустанно воздавайте за меня не только до той поры, что с пяти пальцев ногти потеряете, но и пока всех десяти пальцев не станет» [Сокровенное сказание, с. 84].

Версия Рашид-ад-дина расходится с версией «Тайной истории». По его сведениям, Амбагай-хаган «поехал, чтобы выбрать себе в жены одну из девушек». Татары пленили Амбагай-хагана и отправили к императору Цзинь, который «согласно имевшемуся у хитаев обычаю приказал «пригвоздить его к «деревянному ослу», и тот умер. Перед смертью Амбагай-хаган велел передать императору Цзинь, что тот, убивая его, навлечет на себя ненависть «племен и улуса монгольских». «Нет сомнения, что они подымутся для отплаты и мщения тебе за мою кровь, а потому убивать меня неблагоразумно!» Весть о страшной смерти Амбагай-хагана принес монголам Балагачи, посланный для этого самим императором Цзинь. «Прибыв, он подробно рассказал о Хамбагай-каане и обстоятельствах его умерщвления его сыну Кадан-тайши, сыну последнего Тудаю, Кутула-каану, который был государем того племени, и Есугэй-бахадуру, который был двоюродным братом отца Хамбагай-каана» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 42 и 43].

Еще раз обращаем внимание читателя на то, что Рашид-ад-дин не сообщает о том, что Амбагай-хаган был государем всех монголов, он называет его только правителем тайчиутов. Остальными монголами из бывшего Хамаг монгол улуса, видимо, правил Хутула. Кажется все-таки, что после смерти Хабул-хагана Хамаг монгол улус разделился, возможно, на два владения. Но Рашид-ад-дин противоречит себе, ибо далее пишет, что Хутула был «возведен в ханское достоинство» уже после гибели Амбагай-хагана на курултае, который обсуждал способы мести за погибшего хагана [там же, с. 93].

Хутула-хаган отличался необыкновенной физической силой, «голос его был подобен голосу, достигающему до небосвода, а длань его подобна лапе трехгодовалого медведя». Хутула возглавил поход мести на Цзинь. Одержав победу и возвращаясь домой, он подвергся нападению и спасся только благодаря своей силе и ловкости – во время переправы он сумел со спины коня прыгнуть на берег озера, заполненного грязью, а потом вытащить коня из грязи, ухватив его за холку. Он выбросил коня «на равнину, и тотчас сел верхом, и ускакал, враг же остался по ту сторону лужи» [там же, с. 44]. Участвовал ли в этом походе на Цзинь отец Темучжина, Есугай-баатур, неясно.

Отец Темучжина

*В нем одном
Мощь тысячи силачей.
Лоб тигриньий, сердце – камень у него.*

Манас

Слово «Есугай» по-монгольски значит «девять». Может быть, Есугай был девятым ребенком Бартан-баатура, но сыном его он был третьим. «Третий сын был Есугэй-бахадур, который является отцом Чингис-хана. Племя кият-бурджигин происходит из его потомства. Значение «бурджигин» – «синеокий», и, как это ни странно, те потомки, которые до настоящего времени произошли от Есугэй-бахадур, его детей и уруга его, по большей части синеоки и рыжи... Согласно их [монголов] словам, этот отличительный признак является знаком царской власти» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 48].

Хотя Рашид-ад-дин указывает, что Есугай-баатур был «государем большинства монгольских племен», это, очевидно, преувеличение. Он имел улус, был храбрым воином, «был причастен к отваге и храбрости», «много воевал и сражался» [там же, с. 50], в особенности с татарами. В улусе Есугая после гибели Амбагай-хагана была значительная часть тай-чиутов, если не все тайчиуты. Есугай не был ханом, в «Тайной истории» он назван ханом только один раз [Сокровенное сказание, с. 95]. В 1266 г. император династии Юань Хубилай посмертно дал Есугаю титул Ле цзу шэнь юань хуанди – «Прославленный предок, божественный император». Есугай был аньдой – побратимом правителя кереитов и, вероятно, его вассалом.

У Есугая было много жен, первой и старшей среди них была мать Темучжина – Оэлун. Как указывал Л. Гамбис, за то, что Есугай отобрал у Чиледу Оэлун, Темучжина всю его юность преследовала месть меркитов. И это длилось до тех пор, пока Темучжин сам не истребил всю меркитскую правящую фамилию, к которой принадлежал обиженный его отцом Чиледу [Гамбис, с. 21]. Хоачин, которую Исай Калашников в своем романе превратил в служанку и половнянку из Китая, по заключению П. Рачневского, скорее была второй женой Есугая и матерью Нектера и Бельгутая, а не служанкой Темучжина [Рачневский, с. 15].

Темучжин родился в тот момент, когда его отец возвратился из очередного похода на татар. «Когда Хутула стал хаганом, Хадаан-тайчжи пошел на обоих татар. Тринадцать раз он бился у обоих, у Котон-Бараха и у Чжили-Буха, но не мог все же за Амбагай-хагана отмщением отомстить, воздаянием воздать. Тогда-то Есугай-баатур воротился домой, захватив в плен татарских Темучжина-Уге, Хри-Буха и других. Тогда-то ходила напоследях беременности Оэлун-Фучжин, и именно тогда родился Чингис-хаган в урочище Делиун-балдах, на Ононе. А как пришло родиться ему, то родился он, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови, величиною с пальчик. Соображаясь с тем, что рождение его совпало с приводом татарского Темучжина-Уге, его и нарекли поэтому Темучжином» [Сокровенное сказание, с. 85–86]. Раз мальчик родился, держа в руке сгусток крови, Есугай решил, что это знак его высокого предназначения как воина, его будущая судьба – судьба завоевателя, и поэтому назвал его именем пленного врага. Некоторые ученые предполагают, что имя Темучжина в переводе с древнемон-гольского означало «кузнец».

Мальчик, родившийся со сгустком крови в руке, – фольклорный сюжет, известный в буддийской Индии и в Иране; такое рождение предвещало появление безжалостного завоевателя. Местность Делюн-болдак, где родился Чингис-хан, строго не локализуется. Полагают, что это современный Де-люн-булдак на правом берегу реки Онон, примерно в 250 км от Нерчинска,

вблизи от устья реки Бальджи. П. Пельо и Л. Гамбис считали, что это холм («делюн-болдак» – букв. «холм, похожий на селезенку»), который находился на берегу Онона по соседству с местностью Ехе-арал – «Большой остров» [Пельо-Гамбис, с. 11]. Находилась ли эта местность на территории современной Читинской области или в районе Бурхан-Халдуна, где прошли детские годы и юность Темуч-жина, а значит, намного южнее, в современном Хэнтэе, у гор, являющихся истоком Онона, Толы и Керулена, определенно сказать трудно.

Столь же трудно назвать точную дату рождения Темуч-жина – Чингис-хана. По Рашид-ад-дину и сочинению Чжао Хуна «Мэнда бэй лу», Темучжин родился в 1155 г.; «Юань ши» указывает в качестве даты рождения Темучжина 1162 г. Эта же дата дается в «Шэн у цинь чжэн лу». Ряд иных китайских источников косвенно указывают на 1167 год. Последнюю дату принял Поль Пельо, считая, что она лучше всего согласуется с биографией Чингиса.

Между тем автору этих строк представляется, что, учитывая долгий и трудный путь Темучжина к объединению Монголии и к престолу всемонгольского хана, наиболее вероятной датой его рождения является 1155 год. Кэ Шаоминь, автор позднего сочинения «Синь Юань ши» («Новая история династии Юань»), писал: «Тай-цзу родился, держа в правой руке запекшуюся кровь, похожую на крепкий камень. Лицо светилось. Этот год был и-хай, 3-й год Чжэнь-юань цзинь-ского владетеля Ляна», т. е. 1155 г. (цит. по [Полное описание, с. 117]). «1155 год, – писал Н.Ц. Мункуев, – по-видимому, является вероятной датой рождения монгольского хана. При этом надо учесть, что Чжао Хун побывал у монголов, от которых он черпал свои сведения еще при жизни Чингис-хана, в 1221 г., когда воины последнего, очевидно, были осведомлены о своем предводителе, в частности о его возрасте» [Полное описание, с. 117].

Известна точная дата смерти Чингис-хана – 18 августа 1227 г. Разные источники по-разному указывают, сколько Чингис-хану было лет, когда он умер. «Юань ши», «Шэн у цинь чжэн лу», «Алтан Тобчи», все поздние монгольские источники, исходя из того, что Чингис-хан, по данным «Юань ши», скончался в возрасте 66 (65) лет (монголы, как и китайцы в старое время, считали возраст не с момента рождения, а с момента зачатия), считают годом рождения Чингис-хана 1162 г.

Рашид-ад-дин, зная, что «для всех монгольских царевичей, эмиров и вельмож... ведомо и достигло границы всеобщей гласности, что продолжительность его жизни была 72 года, а на 73-м году жизни он скончался» (т. 1, кн. 2, с. 74), вычислил дату рождения Чингис-хана, и получился 1155 г. П. Пельо поставил под сомнение обе даты. Его смущало, что Темучжин стал отцом в 30 лет (Угэдэй родился в 1186 г., Чагатай – в 1185-м, дата рождения Чжочи сомнительна), подчинил народы Центральной Азии в 50 лет и лишь в 60 лет совершил походы в соседние страны, а в 72 года – поход на тангу-тов. Поэтому он «омолодил» Темучжина и признал датой его рождения тот же год 12-летнего животного цикла, только на 12 лет позже 1155 г. – 1167 г. [Пельо. Заметки, с. 285–287]. Этот вопрос остается открытым, как и вся датировка событий жизни Чингис-хана до начала XIII в.

Добавим, что, по мнению П. Рачневского, сам Чингис не знал точной даты своего рождения [Рачневский, с. 17].

По поздним версиям монгольских источников, уже подверженных влиянию буддизма, Темучжин родился, держа в руке не сгусток крови, а государственную печать. Чингис-Темучжин как кузнец живет в памяти народной. Еще в прошлом веке монголы считали, что наковальня Чингиса, сделанная из металла бурын, имеющего свойства меди и железа, хранится на горе Дархан. Выше села Новоселенгинска, на левом берегу реки Чикой, есть безлесая гора с плоской вершиной; говорят, что это наковальня Чингис-хана, здесь богатырь-кузнец ковал железо, стоя одной ногой на правом, а другой – на левом берегу реки.

Мы уже говорили о том, что Есугай-баатур был главой улуса, который объединял часть монгольских племен, в том числе тайчиутов. Жизнь его проходила в боях и походах, и «из страха перед его отвагой и натиском большинство друзей и врагов покорились ему ради спа-

сения своей жизни, поэтому положение и дела его были в полном порядке и блестящем состоянии» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 75]. Действительно, можно думать, что за широкой спиной отца детство Темучжина было обеспеченным и безоблачным. Когда Темучжину исполнилось девять лет, Есугай по старинному монгольскому обычаю решил сосватать ему невесту из того же олхонутского племени, из которого была и мать Темучжина, Оэлун. Взяв с собой мальчика, он отправился в путь. В дороге повстречался им Дай-сечен из племени унгират.

– Куда держишь путь, сват Есугай?

– Я еду, – говорит Есугай-баатур, – сватать невесту вот этому своему сыну.

Дай-сечен посмотрел на Темучжина:

– У твоего сына взгляд, что огонь, а лицо, что заря. Снился мне, сват Есугай, этой ночью сон, будто слетел ко мне на руку белый сокол, зажавший в когтях солнце и луну. Что-то он предвещает? – подумал я, как вижу, подъезжаешь ты, сват Есугай, ты со своим сыном. Унгиратское племя с давних пор славится, нет в том соперников нам, красотой наших внушек и пригожестью дочерей. Зайди ко мне, сват Есугай. Девочка моя малютка, да свату надо посмотреть!

Взглянул Есугай на Борте, десятилетнюю дочь Дай-сечена, а лицо у нее – заря, очи – огонь. Переночевали гости ночь, а наутро началось сватовство. Столько, сколько требовало того приличия, торговался Дай-сечен, заманивший знатного жениха, желавший породниться с Есугаем. Поторговался и сказал:

– То не женская доля – состариться у родительского порога. Дочку свою согласен отдать. Оставляй своего сынка в зятях-женихах.

На том и поладили. Подарил Есугай Дай-сечену своего заводного коня, попросил его присмотреть за сыном:

– Страсть боится собак мой мальчик. Ты уж, сват, побереги мальчика от собак!

С тем и уехал Есугай, оставив девятилетнего Темучжина у его десятилетней невесты по старинному монгольскому обычаю в зятях у Дай-сечена из племени унгират (по «Сокровенному сказанию», с. 86–87).

На обратном пути повстречались Есугаю пирующие татары. Томимый жаждой, думая, что никто из этих татар не знает его в лицо, решил Есугай задержаться на их празднике, немного передохнуть. Но кто-то из татар опознал Есугая. Не рискнув в открытую убить его, татары подмешали Есугаю в питье отраву. Уже в пути почувствовал Есугай неладное, а добравшись через трое суток домой, заболел и слег. Перед смертью он позвал своего приближенного, Мунлика:

– Дитя мое, Мунлик! Ведь у меня – малые ребята. Извели меня тайно татары. Дурно мне. Прими же на свое попечение всех моих: и малюток, и осиротевших младших братьев, и вдову, и невестку. Дитя мое, Мунлик! Привези поскорее моего Темучжина! (по «Сокровенному сказанию», с. 87).

С этими словами он скончался. Если Чингис-хан родился в 1155 г., то Есугай покинул этот мир в 1163, если принять за дату рождения Чингис-хана 1162 г., то в 1170 г., а если 1167, то в 1175 г., учитывая, что указание источника на то, что Темучжину было девять лет, означает, по нашему счету, что фактически ему было восемь. По расчетам Рашид-ад-дина, смерть Есугая пришлась на то время, когда Темучжину было 13 (по-нашему – 12 лет). Тогда соответственно и все даты должны быть сдвинуты на три года – 1166, 1174, 1178 гг.

Мунлик был верным соратником Есугая и выполнил его наказ. Боясь за Темучжина, он не сразу объявил о смерти Есугая. А Дай-сечену сказал:

– Старший брат Есугай-баатур очень болеет душой и тоскует по Темучжину. Я приехал за ним.

– Раз сват так горюет о своем мальчике, пусть Темучжин съездит, повидается с отцом, да и скорехонько назад.

Так и привез Мунлик Темучжина обратно, в опустевшую отцовскую юрту, в тот трудный час, когда люди Есугай-баатура покидали его семью, уходя каждый своим путем.

Итак, казалось, все предвещало Темучжину великое будущее. Родившись, «он держал в ладони правой руки небольшой сгусток запекшейся крови, похожий на кусок ссохшейся печени. На скрижали его чела были явными знаки завоевания вселенной и миродержавия, а от его лика исходили лучи счастливой судьбы и могущества» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 75]. Но... минуло восемь – двенадцать лет, и, как посчитал Рашид-ад-дин, последующие двадцать семь лет своей жизни будущий завоеватель мира «находился в расстроенном состоянии», «у него случались сражения и битвы», враги «его несколько раз полоняли и заключали в оковы», и вообще наступило смутное время, когда обстоятельства его жизни «неизвестны в подробностях и погодно», и потому, заключает великий историк, «они пишутся сокращенно» [там же, с. 84].

Прежде чем перейти к этому смутному времени, мы расскажем о составе монгольских и соседних с ними племен, их расселении во второй половине XII в. и об обычаях древних монголов.

«Народ безвестный и чужой»

Итак, когда мы вступили в среду этих варваров, мне, как я выше сказал, показалось, что я вступаю в другой мир.

Г. Рубрук

За рекой Керулен расселение монгольских племен происходило в разных направлениях. Тут нам на помощь снова приходит Рашид-ад-дин со своим поистине бессмертным трудом. Хамаг монголы, род Чингиса и его многочисленные сородичи жили в долинах Онона, Керулена и Толы. Урянхаты¹², претендовавшие на участие в расплавлении горы, заселили северо-восточные области Монголии и Забайкалье. Впоследствии они составили тысячу, охранявшую прах Чингис-хана в Бурхан-Халдуне. Из урянхатов был прославленный полководец Субе-тай-баатур [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 1, с. 156–160].

Кунгираты, первыми покинувшие Эргунэ-Кун¹³, были брачными партнерами рода Чингиса. Они имели свою легенду о происхождении, предки их, «трое сыновей, появились на свет из золотого сосуда», а «большинство их и их детей брали девушек из рода Чингис-хана, а в его род давали своих». Из кунгиратов была мать Чингиса, Оэлун; первая жена Чингиса, Борте, также была из кунгиратского племени [там же, с. 160–166]. Жили кунгираты в Восточной Монголии, на границах с киданьским государством. Комаи Ёсиаки предполагал, что в X в. кунгираты упомянуты в китайских источниках как юйцюелюй: «На западе – тюрки и уйгуры. На северо-западе доходим до юйцюелюй. Это люди высокого роста, с косматыми головами. Старейшины, если волосы у них сильно разрастутся, укладывают их в фиолетовые мешочки. Земля там трудная и холодная, в реках водится крупная рыба, которую очень любят есть кидане. Еще много черных, белых, желтых собольих шкурок, их хватает на то, чтобы удовлетворить потребности всех государств севера. Это люди очень отважные, и соседние государства не осмеливаются нападать на них» [Комаи Ёсиаки, с. 359].

Из племени уряут происходили сподвижники Есугая и самого Чингиса во главе с известным нам Мунликом. Сын Мун-лика, Кокочу, знаменитый шаман Тэб-Тэнгри, внушал Чингису идеи мирового господства и дал ему его титул. «Он всегда приходил к Чингис-хану и говорил: «Бог повелел, чтобы ты был государем мира!» И Чингис-ханово прозвание ему дал он, сказав при этом: «Повелением бога имя твое таково должно быть» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 1, с. 166–167].

По реке Селенге и притоку ее, реке Джиде, в пределах Забайкалья жили баяуты, а по реке Онону – тайчиуты, Чин-гисова родня, очевидно, одно из сильнейших монгольских племен. По берегам Керулена жили джалаиры числом до 70 тыс. кибиток. «Часть их становищ была в местности Онон». Здесь они в свое время потерпели сильнейшее поражение не то от киданей, не то от чжурчжэней, «в древние времена хитай-ские войска устроили такую бойню этой части джалаириков, что лишь немногие могли убежать» [там же, с. 92]. «Хитаи перебили все те столь многочисленные племена джалаириков вплоть до детей ростом с плетью, а их скарб и скот разграбили» [там же, кн. 2, с. 18–19]. Вспомним этот факт, когда станем говорить о жестокостях Чингиса. Джалаиры упоминаются в «Истории династии Ляо» («Ляо ши») как «цзубу-чжалабу» – «племя чжа-ла среди цзубу». По оценке авторов «Юань чао ши», они жили к югу от Онона, до среднего и верхнего течения Керулена. Эти же авторы считают, что жестокий набег на джалаириков кидани совершили где-то между 983–1012 гг. [Юань чао ши, т. 1, с. 21].

¹² В данном случае имеются в виду монголы-урянхаты, а не позднейшие урянхаты, предки тувинцев. Такое смешение допущено В. Чивилихиным, который, узнав, что Субетай-баатур – урянхат, решил, что тот был не монголом, а тувинцем.

¹³ Любопытно, что сделали они это без всякого расплавления горы. Правда, по легенде, уходя, они осквернили очаги соплеменников и поэтому расплачивались за святотатство какой-то наследственной болезнью ног.

Специалисты полагают, что «истинные татары были монголоязычны». Татары впервые упоминаются в тюркоязычных надписях в 731–732 гг.; в китайских источниках – с 842 г. Именно татары, прежде всего в эпоху Ляо и Цзинь, именовались цзубу; как предполагает Ту Цзи, это название происходит от монгольского слова «джэбэ», означавшего вид стрел. Основным местом обитания татар были области у озер Буир-Нор и Кёлён-Нор, между Керуленом и Центральным Хинга-ном. Земли их были богаты серебром. Это была пограничная юго-восточная зона расселения монголоязычных племен на рубежах Ляо и Цзинь. «Их же основное обитание [юрт] есть местность, называемая Буир-наур» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 1, с. 101]. «Татары были сильны и дерзки, если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих... не были бы в состоянии противостоять им». В среде татаро-монгольских племен татары «с глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части [монгольских] племен и областей, выдаваясь своим величием и могуществом и полным почетом [от других]» [там же, с. 102].

Именно этноним «татары» стал общим наименованием татаро-монгольских племен. «Из-за их чрезвычайного величия и почетного положения, – писал Рашид-ад-дин, – другие тюркские роды¹⁴ при всем различии их разрядов и названий стали известны под их именем, и все назывались татарами. И те различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что себя относили к ним и стали известны под их именем, вроде того как в настоящее время, вследствие благоденствия Чингис-хана и его рода, поскольку они суть монголы – разные тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, онгутам, кереитам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, – все они из-за самовосхваления называют себя тоже монголами, несмотря на то что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуются [этим именем], – а это не так, ибо в древности монголы были лишь одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен» [там же, с. 102–103]. Имя «татары» осталось позднее только за тюркскими племенами «вследствие силы и могущества татар... по этой причине еще [и поныне]... в стране киргизов, келаров и башкир в Дешти-и-Кипчаке, в северных от него районах... все тюркские племена называются татарами» [там же, с. 103].

Сильным монгольским племенем были меркиты, «часть монгольского племени», «племя... многочисленное», которое имело «чрезвычайно воинственное и сильное войско» [там же, с. 114]. Меркиты в форме мэйлицзи не раз упоминаются в «Ляо ши». В 1093–1096 гг. киданьский полководец Вотэла ходил в поход на мер китов и разгромил их. Весной 1094 г. меркитский правитель Хулуба просил вернуть ему старые, отнятые у него киданями земли и преподнес дары. Меркиты подверглись нашествию киданей также в 1102 г. [Комаи Ёсиаки, с. 354]. Меркиты жили в нижнем течении рек Орхона и Селенги, а также у Бурхан-Халдуна. Авторы «Юань чао ши» считают меркитов одними из ранних пришельцев и полагают, что этот народ был «с примесью уйгуров» [Юань чао ши, т. 1, с. 22]. П. Рачневский считает, что часть меркитов после гибели Ляо ушла с Елюй Даши на запад, ибо они были в числе восемнадцати племен, оказавших помощь этому борцу за восстановление власти киданьской династии [Рачневский, с. 5].

Самым сильным, по мнению авторов «Юань чао ши», среди монгольских племен XI–XII вв. были кереиты, проживавшие к югу от реки Керулен на востоке до Хангайских гор на западе, вдоль нижнего течения рек Толы и Орхона на севере и до пустыни Гоби на юге. Летние стоянки кереитского хана Тоорила были в Далан-Даба у истоков Орхона и у озера Гусе-Нур, к

¹⁴ Хорошо известно, что Рашид-ад-дин все татаро-монгольские племена считал «племенами тюркскими, которые в настоящее время называются монголами».

югу от реки Толы; зимние – по реке Онгин-Гол, в районе г. Арбай-Хэрэ (МНР). Рашид-ад-дин пишет, что керейты представляли собой «род монголов». Керейты первыми из шивэй раньше всех ушли на запад. Они несколько столетий жили по соседству и

смешанно с тюрками, поэтому подверглись сильному тюркскому влиянию. Под 1092 и 1100 гг. в «Ляо ши» упоминается восставший против киданей правитель керейтов Могуся (Маркус).

Улус керейтов имел развитый государственный аппарат, керейты приняли христианство несторианского толка. П. Рачневский считает, что керейты особенно усилились после распада монгольского Хамаг монгол улуса во второй половине XII в. Он полагает, что изначально керейты были не монголами, а тюрками (племя кирей в среде киргизов и казахов). До изгнания с Иртыша и Алтая они жили среди найманов и киргизов. Керейты отступили на восток под натиском найманов и, вступив в контакт с монголами, быстро монголизировались. Керейты были в давней вражде с найманами и татарами, часть монголов также входила в состав их улуса [Рачневский, с. 3]. Л. Гамбис подчеркивал, что вражду татар против керейтов постоянно подогревали чжурчжэни [Гамбис, с. 11–12].

Западные области Монголии заселяли найманы. Рашид-ад-дин [т. I, кн. 1, с. 137] об этнической принадлежности найманов высказывается очень осторожно: «...их обычаи и привычки были подобны монгольским». Найманы были известны в государствах Ляо и Цзинь под именами няньбагэ и няньбасы. При династии Цзинь они подчинялись государству каракитаев Западному Ляо. Центром расселения найманов являлся Алтай. На западе их кочевья располагались до Иртыша, Алея и верховьев Оби, на севере найманы граничили с киргизами¹⁵, на востоке соседями найманов были керейты, на юге их границы простирались до Черного Иртыша. Авторы «Юань чао ши», развивая точку зрения Хань Жулиня, полагают, что найманы, возможно, «часть киргизов, переселившихся на юг после династии Тан» [Юань чао ши, т. I, с. 33]. П. Рачневский, также считая найманов тюрками, высказывается в пользу того, что «найман» – это монгольское наименование тюрков («сэкиз огуз», «восемь огузов»). На Алтае они поселились после разгрома Уйгурского каганата киргизами в 840 г. Найманы потеснили киргизов на Енисее и вытеснили керейтов с Иртыша и Алтая на восток [Рачневский, с. 2]. Найманы испытали сильное культурное влияние уйгуров. Они, как полагают специалисты, имели самую развитую государственность среди прочих насельников Алтая и Халхи. Правитель найманов Тукуса упоминается в «Ляо ши» под 1097 г.

Современный монгольский ученый Чулууны Далай относит найманов «к кочевникам ойрат-монголам». Он пишет: «К концу XII в. найманы, обитавшие по соседству с уйгурами и другими тюрками и находившиеся под влиянием их культуры, по-видимому, уже давно пользовались уйгуро-монгольским алфавитом. Однако, на наш взгляд, пока еще нет оснований соглашаться с выводами тех исследователей, которые считают, что найманы «были уйгуро-тюркского происхождения» или «были монгольским племенем, говорящим на тюркском языке», и что алфавит, которым они пользовались, был «чисто уйгурской письменностью» [Чулууны Далай, с. 151]. Найманы так же, как и керейты, были христианами-несторианцами.

В Восьмиречье (Секизмурэн) жили ойраты: «ой-арат» – «люди лесов». В эпоху юности и возмужания Чингиса они жили между Ангарой и Енисеем. Авторы «Юань чао ши» считают, что четыре главных ойратских племен еще с глубокой древности жили в верхнем течении реки Енисей, в верховьях современной реки Улуг-Кэм. Любопытно, что если в юаньскую эпоху древние киргизы (сягасы) именуются цзили-цзисы, то местность, в которой проживали ойраты, именовалась Шисы-цзисы [Юань чао ши, т. I, с. 24].

Эти самые общие сведения о народах Халхи и Алтая в годы, предшествовавшие объединению Монголии, хотелось бы завершить цитатой из «Юань чао ши»: «Таким образом, на

¹⁵ Китайский историк Хань Жулинь считал найманов вообще частью киргизских племен.

Монгольском плато с X по XIII в. на восток от хребта Хан-гай до Большого Хингана образовалась территория, заселенная монголоязычными племенами. Однако переселившиеся на запад монголоязычные племена, несомненно, в той или иной степени включили в свой состав оставшиеся на данной территории тюркоязычные племена, что сильно повлияло на собственно монгольский язык, обычаи, хозяйство и произвело у монголов большие изменения» [Юань чао ши, т. I, с. 32].

Такие выводы получили признание в науке в последние пятнадцать-двадцать лет.

* * *

Описание монголов в эпоху Ляо мы находим в источнике 1180 г. «Цидань гочжи» Е Лун-ли. «Прямо на севере земли киданей доходят до владения Мангули. В этом владении нет правителя, который бы управлял народом. Население не занимается земледелием, основным занятием является охота. Люди не живут постоянно на одном месте, а кочуют в каждый из четырех сезонов года в поисках хорошей травы и воды. Пищей служат только мясо и кумыс. С киданями не воюют, а лишь торгуют с ними изделиями из шкур и шерсти крупного рогатого скота, овец, верблюдов и лошадей» [Е Лун-ли, с. 305]. Быстрое развитие и успехи монголов в XII в. китайские авторы не прочь были приписать себе. В данном случае характерен следующий текст: «С годов правления Тянь-цзюань (1138–1140) монголы начали возмущаться. Главнокомандующий войсками Цзун Би несколько раз подряд высылал против них войска, но эти войска не смогли их покорить. Тогда он разделил войска, которые заняли и стали удерживать стратегически наиболее важные пункты. С другой стороны, им были даны щедрые подкупы. Их государства государь также назвался цзюань хуанди – «император – основоположник династии». Иногда они устраивали на границах беспорядки. И если им дарили юношей и девушек, яшму и парчу, то враги, вспомнив о своих домашних делах, возвращали войска обратно. Монгол назвался императором. И поскольку они нападали на государство Цзинь, они захватывали китайских и киданьских детей и женщин и делали этих [женщин] своими женами и наложницами. С этих пор родившиеся [от таких браков и связей] дети уже совершенно не походили на монголов. Итак, [монголы] постепенно стали есть вареную пищу, а когда прибывали ко двору, то именовали свое государство Да Мэнгу го – Государство Великих Монголов (цит. по [Комаи Ёсиаки, с. 331]). В данном случае в достаточно раннем изложении мы сталкиваемся с китайской идеей о роли смешанных браков в ассимиляции иноплеменников.

Сведения о жизни монголов в XII в. и ранее очень ограничены. Но если нам не удастся заглянуть попристальней в XII в., давайте посмотрим на жизнь монголов первой половины XIII в. глазами их современников: даосского монаха Чан Чуня, у которого Чингис пытался заручиться рецептом бессмертия, сунских дипломатов Чжао Хуна, Пэн Да-я, Сюй Тина и Чжан Дэхой, посланца папы Иннокентия IV францисканского монаха, итальянца Плано Карпини, еще одного монаха-минорита, фламандца Гильома Рубрука, посланного к монголам французским королем Людовиком IX, перса Ата-Малика Джувейни, приехавшего в столицу монголов со своим отцом на выборы нового хана, наконец знаменитого венецианца Марко Поло.

Все эти люди, посетившие Монголию (Чан Чунь в 1220–1224 гг., Чжао Хун в 1221 г., Пэн Да-я в 1233 г., Сюй Тин в 1235–1236 гг., Плано Карпини в 1246–1247 гг., Чжан Дэхой в 1248 г., Гильом Рубрук в 1253–1255 гг., Ата-Малик Джувейни в 1251 г. и Марко Поло в 1274 г.), описали ее в период могущества и расцвета, и тем не менее только они и те их современники, которые описывали монголов с чужих слов или столкнулись с ними как с завоевателями, увидели эту страну во многом и такой, какой она была в юные годы Темучжина.

Для всех них – китайского даоса и китайских дипломатов, европейских монахов и венецианского купца, сына персидского царедворца из Хорасана – это был новый мир, «народ безвестный и чужой». О нем они стремились поведать своему миру, каждый по-своему, но

одинаково убеждая, как Плано Карпини, «верить тому, что мы пишем для вашей пользы и предосторожности, вы должны верить тем безопаснее, что мы или сами видели все своими глазами, странствуя одинаково у них и вместе с ними... или пробыв в их среде» [Путешествия, с. 24].

Монголия поражала воображение приехавших в страну чужеземцев. «Куда бы взор ни достигал, – писал Чан Чунь, – не видно конца горам и рекам; ветер и туман непрерывны, и реки вечно текут. Для чего Творец, образуя вселенную, в этих странах повелел людям пасти коней и коров?» [Си юй цзи, с. 289]. «Дом татар и место их происхождения и рождения, – писал Джувейни, – гигантская долина, размеры которой составляют семь или восемь месяцев пути как в длину, так и в ширину. На востоке она граничит с землей Китай, на западе – со страной уйгуров, на севере – с киргизами и рекой Селенгой и на юге – с тангутами и тибетцами» [Джувейни, I, 21–22].

Соседи делили монголов на лесных и степных, а также на белых, черных, или диких. Северные районы обитания монгольских племен – Восточные Саяны, хребет Танну-Ола и Южный Алтай – заселяли так называемые лесные племена. Занимались они охотой и рыболовством, жили в легких шалашах из коры березы и других деревьев, приручали диких животных, в особенности марала-изюбря и косулю, мясом и молоком которых они питались. На маралов-изюбрей навьючивали они и свой нехитрый скarb, когда, блуждая по лесам, перебирались с места на место. Использовали они также и лошадей. Зимой охотились и передвигались по лесу на лыжах. Одежды шили из шкур животных. Особенно много били они соболей и белок, мехом которых славились их края. «Лесными» по образу жизни и способу ведения хозяйства были и многие монголы северных районов Монголии, пока не перешли на кочевое хозяйство.

В юные годы Темучжина верховья Онона, Керулена и Толы представляли собой еще лесистую горную местность. Но уже в это время лесные племена жили на далеких северных окраинах и не играли сколько-нибудь существенной роли в бурных событиях второй половины XII в. Эти события назревали и развивались в обширных степях, где жили степные племена, основная масса татаро-монгольских племен, занимавшихся кочевым скотоводческим хозяйством.

Китайцы делили татаро-монголов на белых и черных, или диких. Белые татары (онгуты) кочевали вдоль Великой Китайской стены. Они были белыми потому, что в наибольшей степени восприняли достижения китайской цивилизации. Черные татаро-монголы жили в глубинных районах Монголии. Чжао Хун писал: «Так называемые дикие татары весьма бедны да еще примитивны, не обладают никакими способностями. Они только и знают, что скакать на лошадях вслед за всеми другими» [Полное описание, с. 48]. «Нынешний император Чингис, а также все его полководцы, министры и сановники являются черными татарами» [там же, с. 49].

Путешественников, особенно европейцев, поражал внешний облик монголов. «Внешний вид лиц, – писал Плано Карпини, – отличается от всех других людей. Именно: между глазами и между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул, нос у них плоский и небольшой, глаза маленькие, и ресницы приподняты до бровей. В поясе они в общем тонки, за исключением некоторых, и притом немногих, росту почти все невысокого. Борода у всех почти вырастает очень маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на бороде есть небольшие волосы, которые они отнюдь не стригут... Из... волос они составляют две косы и завязывают их каждую за ухом. Ноги у них тоже небольшие» [Путешествия, с. 26].

Альберик (умер в 1241 г.) сообщал: «...голова у них большая, шея короткая, весьма широкая грудь, большие руки, маленькие ноги, и сила у них удивительная. У них нет веры, они ничего не боятся, ни во что не верят, ничему не поклоняются, а король их называется королем всех королей» [там же, с. 4]. По словам армянского автора, «они были широкоплечие, с мускулистыми руками, большеголовые, с гладкими и взъерошенными волосами, узкоглазые, широколобые, плосконосые и редкобородые. Их отношение к людям было беспощаднее, чем у зверей, а их настоящее имя было хара-татар» [Армянские источники, с. 44]. «Татары, – писал

Чжао Хун, – в большинстве случаев не очень высоки ростом. Самые высокие не превышают пяти чи и двух-трех цуней Среди них нет также полных и толстых. Лица у них широкие и скулы большие. Глаза без верхних ресниц. Борода весьма редкая. Внешность довольно некрасивая» [Полное описание, с. 48]. Рост монголов, таким образом, по Чжао Хуну, примерно 162–165 см.

Стоит особо сказать о мужской прическе древних монголов. «Бреют голову, оставляя три чуба... когда передний немного отрастает, его подстригают, а два боковых связывают в маленькие пучки и спускают на плечи» [там же, с. 75]. Чань Чунь писал: «Мужчины связывают волосы и свешивают до ушей». Другой китайский источник сообщал: «Сбривают круг на самой макушке. Остающиеся спереди волосы коротко подстрижены и свисают в беспорядке, но волосы по обе стороны [головы] отделяют и связывают в два узла. [Они] свисают до одежды слева и справа... Некоторые соединяют и заплетают [волосы слева и справа] в одну косу, и она прямо свисает сзади поверх одежды». В «Коре са» («Истории государства Коре») прическа монголов описана так: «У монголов обычай сбривать макушку до лба» [там же, с. 76].

Н.Ц. Мункуев, сообщая, что волосы, свисающие на лоб, назывались кегюль, а пучки с двух сторон головы – шибильгер, полагает, что такой тип прически, которую носили древние монголы-мужчины, идет от «обитателей древней Сибири» [там же, с. 186]. Между тем это не совсем так. Может быть, какие-нибудь народы Сибири и носили такую прическу, особенно в послекиданское время, но монголы свою прическу явно получили от киданей. Хорошо известно, что именно эту прическу, именовавшуюся по-китайски «туфа», – бритая верхняя часть головы и затылок, оставленные челка и две косицы по бокам, часто с висков, – носили кидани. Имеется немало изображений киданей с такой прической, особенно из гробниц киданьских императоров, т. е. изображений из первых рук, выполненных, кстати, в цвете. Этот же тип прически был заимствован от киданей тангутами Си Ся и введен в 1036 г. тангутским императором Юань-хао как государственный тип прически. Мы можем с уверенностью сказать, что и монголы заимствовали прическу от киданей. Модификации с косой – это уже чжурч-жэньское влияние, ибо косу носили мужчины-чжурчжэни, позже их потомки маньчжуры и по приказу маньчжуров при династии Цин и «все китайцы. Единообразие прически имело государственное значение, ибо ее ношение означало подчинение и лояльность властям. Если монголы и не носили туфу до объединения Монголии, то можно почти определенно считать, что туфа была введена Чингис-ханом как акт унификации, акт подчинения и объединения страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.